

ЧАСТЬ I.
ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК:
СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ТРАНСЛЯЦИЯ

Анастасия Валерьевна Ашаева

**«ФРАКИЙСКИЙ МИФ»
И РЕЦЕПЦИЯ ГРЕКО-РИМСКОЙ АНТИЧНОСТИ
В БОЛГАРИИ¹**

Аннотация: В статье рассматривается восприятие древней Фракии и фракийской культуры в Болгарии во второй половине XX – начале XXI вв. «Фракийский миф» в Болгарии в социалистический период должен был частично заместить знание о греко-римской античности. В рамках этого мифа Болгария представлялась как страна, имеющая свою собственную «не-западную» античную традицию, а также археологические памятники, превосходящие по своей значимости греко-римские. Благодаря активной государственной протекции, фракийское наследие, по большей части сохранившееся в материальных памятниках на территории Болгарии, дало начало «фракийскому мифу», который распространился за пределы страны, став своеобразным символом коммунистической идеологии. Однако, в начале XXI в. возобладали иные взгляды на античность и социалистическое прошлое, которые учитывали как концепцию «фракийского мифа», так и современные стремления к обоснованию единения Европы на основе античного наследия.

Ключевые слова: рецепция античности, Фракия, фракийский миф, фракология, болгарская историография, социалистическая Болгария.

Об авторе: Ашаева Анастасия Валерьевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, 644077, г. Омск, проспект Мира, д. 55-А, ashaeva.nv@gmail.com

¹ Исследование при поддержке Российского научного фонда, проект 22-28-00519 «Разнообразие под видом единства: советский исторический нарратив 1960–1980-хх гг. (пример истории древности)».

Восточная Европы в последние десятилетия привлекает повышенное внимание специалистов — историков, политологов, культурологов, что связано с переосмыслением пост-социалистического опыта стран бывшего социалистического лагеря, как внутри этих стран, так и в западноевропейской историографии. В Болгарии античность во второй половине XX в. оказалась в удивительном для восточноевропейского региона положении, получив государственную поддержку и в прямом смысле стала орудием пропаганды коммунистического режима. Болгария стала местом, в котором пересеклись сразу несколько традиций, оказавших непосредственное влияние на отношение к античному наследию и к основанной на античном прошлом общеевропейской идентичности². Болгарская историография античности в 1960–1980-е годы демонстрировала единство в многообразии, собственное и советской историографии античности этих десятилетий; впрочем, восприятие «болгарской античности» имело значительную национальную специфику.

Проблема рецепции античности в собственно болгарской историографии возникает сравнительно недавно — в начале XXI в. Это было связано с рефлексией недавнего прошлого: в Болгарии не рассматривали опыт социалистического прошлого как исключительно негативный и признавали его ценность для осмысления античного наследия в настоящее время. В виду исторической особенности развития Болгарии появление античного компонента в культуре произошло довольно поздно — во второй половине XIX в. Именно перевод, как первый этап взаимодействия с античностью, в Болгарии стал ключевым фактором, «определяющим место и функции античной литературы/культуры в приеме болгарской средой» [11:7], а небольшое

² С VII в. Болгария оказалась в сфере интересов Византии, также болгары стали частью Восточной православной церкви и, позднее Османской империи, что, однако, не помешало им также использовать античное наследие в целях обоснования собственных взглядов на прошлое страны.

количество переводов до Второй мировой войны, причем с языков-посредников (новогреческий, сербский и т.д.), предопределило роль социалистического периода в процессе рецепции, когда и оформился «целостный взгляд на античную культуру и литературу» [11:9].

Именно 1956 год – год развенчания культа личности Сталина в СССР – стал годом, когда в Болгарии снова стали широко издавать античную литературу», наступил «переводческий бум» [10:55]. Многочисленные переводы на болгарский, уже с языка оригинала, издававшиеся большими тиражами, не оставляют сомнений в том, «что процесс издания античной литературы, усилившийся в 60-е, 70-е и 80-е годы преодолел идеологические штампы и предрассудки. Это были годы, когда читатель все больше и больше открывает для себя ценности европейской цивилизации, включая и ее корни, которые, к радости, оказались недалеко от болгарских земель. В процессе пере-открытия стало ясно, что почтение европейцев по отношению к античной древности не случайно... что она приносит, не связанные с современностью, вечные ценности» [10:58-59]. Феномен перевода античных авторов в социалистический период имеет две стороны: официальную и неофициальную. Официальная – советская модель канона – «античность идеологична». И неофициальная, т.е. фактическая, при которой «соцреалистический канон» так и не оформился в единую систему цензуры/контроля. Ситуация с переводом античных авторов на болгарский язык и соприкосновение болгарской и античной культуры происходит очень поздно, только во второй половине XX века. Итак, ситуация с переводом античных авторов на болгарский язык и соприкосновение болгарской и античной культуры во второй половине XX в. вполне соответствует более масштабной программе национального строительства и обоснованию национальной идентичности болгар в социалистический период. Изучение и интерпретация античного наследия оказывается не только не «подцензурной» областью куль-

туры и образования, но и «государственно поощряемой», несмотря на господствующее в Центрально-Восточноевропейском регионе диссидентское сознание единения с Западной Европой на основе общеевропейских корней.

Общее восприятие античности в Болгарии не сводится лишь к так называемому «историческому краеведению», когда античные археологические памятники находятся на территории страны. Античное наследие для Болгарии — это способ трансляции образа Болгарии в качестве еще одного (наравне с Древней Грецией и Римом) места возникновения и развития истоков общеевропейской культуры и духовного наследия. Речь идет о так называемом «фракийском мифе» (по аналогии с «римским мифом»), который распространился в начале 1970-х гг. как в среде историков и археологов, так и среди филологов-классиков [9:325]. Этот миф не удалось предать забвению и в XXI в.; он себя не изжил, оказавшись достаточно прочным основанием и обоснованием всех предыдущих и последующих обращений к античной истории, культуре и античному наследию. Ученые сравнили и усилия государственных институций Болгарии при создании и культивировании «фракийского мифа» как основы болгарской нации с действиями России по укреплению своего «византийско-славянского мифа» веком ранее: с помощью фракийского наследия «коммунистическое правительство пыталось выйти на Запад, не ставя под угрозу статус Софии как прилежного члена советского блока» [1:159]. «Для людей, определяемых желанием принадлежать западному миру, фракология дает большие надежды, утверждая, что болгары принадлежат к западным странам из-за превосходящего статуса их культурного наследия» [1:162].

О том, что «фракийский миф» жив в памяти болгар и европейцев до сих пор, свидетельствует изданная в 2009 г. подарочная книга «Спартак — сын древней Фракии». Предисловием к ней стала речь тогдашнего председателя Европейского совета о вступлении Болгарии и Румынии в

Европейский Союз, в которой болгары выступали «свободолюбивой нацией и Спартак был болгарин. Имя Болгарии – Фракия (как бы она не называлась). Сегодня Фракия и Дакия – бывшие провинции Римской империи – составные части союза, но не империи...» [8:10]. Сама книга повествует о «великом фракийце», который сражался исключительно во имя «отмщения за родину» [8:142]. Даже беглый взгляд на литературу современной Болгарии дает основание утверждать, что Спартак не перестал быть национальным героем вне времени, даже с уходом в историю его главной – социалистической – подоплеки. Известный современный болгарский поэт Н. Гигов, в сборнике своих стихов «Спартак – вулкан свободы», говорит о двух античных образах, запечатленных в болгарской культуре: «Родопы имеют много пиков, но два лишь достигли небесного верха: волшебник песни Орфей и жаждущий свободы Спартак» [5:2]. Таким образом Спартак стал protagonистом различных версий истории болгарского государства и культуры, основанной на фракийском наследии.

Сам проект «фракийского мифа» был инициирован дочерью руководителя Болгарской коммунистической партии Людмилой Живковой и завершал череду конструирования общенациональных исторических тезисов, на которых строилась современная болгарская нация. Этот проект был приурочен к празднованию в 1981 г. 1300-летия образования независимого Болгарского государства в 681 г. М. Славова проанализировала генеалогию этого мифа и возможности его научного обоснования: «В рассматриваемое время болгарская культура стала рассматриваться как амальгама культурных влияний, проникнутых не только славянами и прото-болгарами, но и гораздо более древней цивилизацией, процветавшей некогда в этих краях. И вот утонченность новой идеологической пропаганды проделывает некий трюк – история болгарских земель начинается не только от славян и прото-болгар, подлинные культурные и художественные достижения присутствова-

ли здесь до них, причем они в основном принадлежат к автохтонному фракийскому населению. Таким образом, три важных цели были достигнуты: во-первых, поощрялась политика идентичности и отличия национальной культуры от других культур (например, от соседней Греции), во-вторых, современные болгары связывались с их древними предками (фракийцами, прото-болгарами и славянами), что служило способом повышения чувства собственного достоинства (социалистической) нации..., и в-третьих, была поставлена цель получения выдающегося места на международных форумах (например, ЮНЕСКО)» [3:405].

Следуя логике подобного объяснения быстрого распространения и широкого бытования «фракийского мифа» практически во всех сферах общественной жизни Болгарии, можно предположить, что «Кирилло-Мефодиевская миссия» становилась наследницей фракийской традиции. В результате, в линии «фракийцы – прото-болгары – славяне» греко-римская античность оказывалась на периферии общественного сознания, как и греко-византийское наследие. Всё это удаляло Болгарию как от греко-римского варианта «истоков», так и от Византии и России. «Фракийское наследие и центральная роль Болгарии в процессе создания кириллицы и старославянской церковной литературы стали двумя ключевыми историческими аргументами для возрождения классического образования в средней школе...» [2:167].

Имея на своей территории материальные остатки античной цивилизации (и сильную национальную археологическую традицию), а также многочисленные античные свидетельства о фракийцах, некогда населявших преимущественно юго-восточную часть современной Болгарии, представители коммунистического правительства Болгарии уже в начале 60-х начинают культивировать особый миф, ставший политической доктриной времен развитого социализма. Точной датой институализации этого мифа

можно считать 1972 г., когда при Болгарской академии наук был открыт Институт фракологии. Появление «фракийского мифа», оформившегося к началу 1970-х гг. в среде историков, археологов и классических филологов, происходило на волне так называемого «бума переводов» и распространения идеи, которую можно выразить словами «почти все античные авторы пишут о нас [фракийцах]».

Многочисленные дискуссии и споры, предшествующие открытию гимназии в 1977 г., сделали это событие действительно беспрецедентным случаем. Во вновь открывшейся под патронатом коммунистической партии гимназии преподавали три языка (церковнославянский, греческий и латинский) и историю трех культурных традиций, обосновывая это особым положением Болгарии, как третьей классической земли, на территории которой «переплелись две культуры античности» [2:171]. По замыслу болгарского правительства и лично Людмилы Живковой, открывшаяся гимназия должна обеспечить влияние и интеграцию классического образования в культуру, «которая бы базировалась на тщательном изучении античных корней болгарской цивилизации и ее контактов со всеми другими античными культурами» [2:175]. Цель столь значимого проявления патриотизма и признания эквивалентности церковнославянской культуры с греческой и римской, выражено Л. Живковой как «поворот культуры на автономный путь к коммунизму» [2:176].

Благодаря активной государственной поддержке фракийское наследие дало начало «фракийскому мифу», который распространился за пределы страны, став своеобразным символом коммунистической идеологии. Когда-то М.И. Ростовцев в одном из своих писем болгарскому коллеге писал, что только материалы об античной Фракии позволяют ему продолжать работу над историей скифов и сарматов и только ландшафт античной Фракии напоминают ему об «античном» юге России, который стал недостижимым и недоступным. Эти слова Ростовцев писал в один

из самых сложных периодов своей жизни, оказавшись на распутье после стремительной эмиграции, без книг и материалов, почти неспособным продолжать исследование «античного» юга России. Фракия смогла заменить Ростовцеву юг России – тот кусочек античного мира, который со времен Екатерины II считался основой собственно «русской античности». [4:2-3]. Спустя полвека Болгария, пожалуй, успешнее своих соседей воспользовалась сохранившимся античным наследием на своей территории. Гимназия, созданная на пике развития социалистической идеологии в Болгарии, а также ряд институций, призванных обеспечить функционирования «фракийского мифа» сохранили свое предназначение и сегодня продолжают свою деятельность.

Созданный в 1970-е годы «фракийский миф» и со специфической академической дисциплиной – фракологией, и с множественными воплощениями массовой культуры в современной Болгарии – живое наследие, которое приносит определенные результаты [7:11]. Археологическое наследие античной эпохи служит «не анализу античной эпохи *per se*, а анализу роли и места античности в конструировании нации» [12]. Случай установки памятника Орфею и Эвридике в Смоляне, области, исторически считающейся родиной Орфея, по мнению современных болгарских авторов, фиксирует идею «Орфея-фракийца, который автоматически относится к нам – болгарам» [12]. Не случайно в национальной философии и «новой болгарской культуре» на рубеже XX–XXI вв. возникает понятие «национал-экзотизма» (механизмы обоснования которого сходны с хайдеггеровским «национал-эстетизмом»), возможно, как ответная реакция на крушение идеологических обоснований национального проекта и поиски иных способов легитимации «национального мифа» [6:87]. Идея универсальности архетипа античности как единого топоса европейской цивилизации присуща в той или иной степени всем культурам. Однако Болгария в силу суще-

ствования «фракийского мифа», а также кризиса начала 1990-х гг. приходит к ситуации, когда «образцовый миф универсальности – классическая античность», легитимирующий принадлежность к «европейской нации» не просто не приобретает первостепенного значения, а отрицается.

Национальный античный проект и невозможность отрицания социалистического опыта для репрезентации античности в культуре делает Болгарию не только своеобразным «форпостом» между Западной и Восточной Европой и между Западным и Восточным историческим наследием, но и еще одним примером конструирования собственной идентичности в контексте мифологизации прошлого, которое обусловлено определенными социокультурными практиками настоящего.

Литература

1. *Kirin A.* Eastern European Nations, Western Culture and the Classical Tradition // *Classics and National Cultures*. Oxford: Oxford University Press 2010. P. 141–162.
2. *Panova N.* The foundation of the National Gymnasium for Ancient Languages and Civilizations in Sofia: between Tradition and Ideology // *Classics and class. Greek and Latin Classics and Communism at School*. P. 167–192.
3. *Slavova M.* Bulgarian Lands in Antiquity. A Melting Pot of Thracian, Greek, and Roman Culture // *A Handbook to Classical Reception in Eastern and Central Europe*. P. 396–410.
4. *Ашаева А.В.* Северное Причерноморье и Фракия в переписке М. И. Ростовцева с болгарскими историками и археологами // ЭНОЖ «История», Том 12 Выпуск 12 (110). Часть I. 2021. Электронный ресурс. Режим доступа <https://history.jes-su/s207987840018338-0-1/> ограниченный (03.04.2023).
5. *Гигов Н.* Спартак – вулканът на свободата: сага за българската храброст. София, 2009. 127 с.
6. *Манчев Б.* Одисей и неговият двойник. Античността, националната философия на Тончо Жечев и поезията на 90-те // *Критика и хуманизъм*. 2012. Кн. 13 (1). С. 79–102.

7. *Маринов Ч.* Добре дошли в родината на Орфей: Тракийското наследство между конструиране и комерсиализиране // Критика и хуманизъм, кн. 39, 2, 2012. С. 11–29.
8. *Павлов П.Х.* Спартак – синът на Древна Тракия. София, 2009. 74 с.
9. *Панова Н.* (Без)опасната антична литература. Преводна рецепция на старогръцката литература в България (1944–1989) // Соцреалистически канон/ алтернативен канон, С.: ПАН и НБУ, 2009. С. 307–325.
10. Преводната рецепция на европейските литератури в България. Класическа литература. София: Академично издателство «Проф. Марин Дринов», Т. 3, 2002. 198 с.
11. *Сиракова Й.* Българските преводи на «Метаморфози» на Овидий. София: УИ Св. Климент Охридски, 2012. 246 с.
12. *Лазова Ц.* Монументализиране на легендата: паметникът на Орфей и Евридика в Смолян. Електронен ресурс. Режим достъпа http://ebox.nbu.bg/ant14/view_lesson.php?id=5 свободен (03.04.2023).